

Этот голос был одновременно знакомым и чужим — это был Цао Сююань, которого Цао Е никогда не знал. В голове Цао Е раздался гул. Он намеренно избегал этой темы, но голосовое сообщение Чжан Минханя безжалостно затянуло его в самый центр водоворота. Только сейчас он осознал, что, несмотря на то, что он своими глазами видел Цао Сююаня и Чжэн Иня вместе, в его подсознании всё ещё теплилась искорка — отголосок того света, которым Цао Сююань сиял в его детских воспоминаниях. Именно поэтому где-то в глубине души он продолжал верить, что обвинения в домогательствах ложны, что это клевета.

Но теперь и эта последняя искорка погасла. Получается, Цао Сююань — лицемер и самый настоящий подонок. «Какой же он мерзавец. Чжан Минхань всего на три года старше меня, как он мог так поступить?» В коридоре раздался звонок лифта, затем послышались шаги и голос Ли Ю:

— Он всегда был таким. За столько лет совсем не изменился...

Услышав голос матери, Цао Е инстинктивно захотел спрятаться. Он не хотел, чтобы она видела его в таком подавленном состоянии, ведь она сразу бы всё поняла. Цао Е развернулся и пошел в другую сторону, скрывшись в туалетной кабинке. Телефон в его руке снова завибрировал. Почти машинально он посмотрел на экран. Чжан Минхань прислал ещё одно сообщение — на этот раз фотографию. На ней Цао Сююань спал на кровати с закрытыми глазами, рядом горел тусклый ночник. На изголовье кровати бросался в глаза логотип — Цао Е узнал отель своего дяди, Janis.

«Если бы они не были в одном номере, вряд ли удалось бы сделать такое личное фото. Значит, скриншот сообщения, который Чжан Минхань показал журналистам, тоже настоящий. Какая ирония, — подумал Цао Е, глядя на фотографию. — Похоже, я впервые вижу, как спит Цао Сююань. До пятнадцати лет я действительно думал, что он какой-то бог — не ест, не спит, всегда на съёмочной площадке, без конца снимает фильмы».

Через несколько секунд Чжан Минхань прислал длинное сообщение: «Сяо Е, я не могу связаться с режиссёром Цао и Чжэн-лаоши, поэтому решил обратиться к тебе. Извини, если причинил тебе боль. Я просто хочу попросить тебя об одной услуге: передай эту запись и фото Чжэн-лаоши и скажи ему, что у меня есть ещё много подобных доказательств. Надеюсь, они как можно скорее согласятся на мои условия, иначе я передам всё это прессе».

Цао Е не ответил. Он просто переслал оба сообщения Чжэн Иню. Тот быстро перезвонил. Цао Е ответил и, прежде чем Чжэн Инь успел что-то сказать, произнес:

— Вы можете, наконец, решить этот вопрос? Скольких людей вы ещё хотите опозорить?

Чжэн Инь позвал его:

— Сяо Е... — но Цао Е не хотел его слушать. Он тут же повесил трубку.

Рука с телефоном безвольно опустилась. Цао Е стоял в кабинке, опустошенный. Гул в голове не прекращался, вызывая головную боль. Запах дезинфицирующего средства, который обычно не замечался, сейчас казался удушающим. Он сунул телефон в карман, вышел из кабинки и решил спуститься вниз, чтобы подышать свежим воздухом. В лифте ехали две медсестры, только что закончившие смену. Они смотрели в один телефон и тихо переговаривались:

— Это Ли Ю... В свои сорок она всё ещё такая красивая.

— Красивая, да, только Цао Сююань искалечил её жизнь. Какая трагедия.

— Изменить с другой женщиной — это одно, но совратить несовершеннолетнего мальчика... это уже слишком.

— Да уж... Кстати, слышала, что Ли Ю сейчас в нашей больнице. Это правда?

Вторая тут же шикнула на неё. Ли Сяньда договорился с руководством больницы, чтобы информация о госпитализации Ли Ю не разглашалась, иначе сюда бы набежали журналисты. Видимо, опасаясь, что их кто-то услышит, они ненадолго замолчали, но потом снова зашептались.

— Интересно, о чём Ли Ю хотела поговорить с Цао Сююанем?

— Наверное, обсуждали развод. В новостях же упоминали об этом, наверняка они делят имущество...

Лифт доехал до первого этажа. Выходя, одна из девушек сказала:

— Даже разводятся эти богачи как-то некрасиво...

Цао Е, стараясь не привлекать внимания, шёл за ними. Он так сильно сжимал кулаки, что его ногти впивались в ладони. Когда он разжал руки, на них остались красные следы. Он достал телефон и посмотрел на экран. Последнее уведомление гласило: «Тайная встреча Цао Сююаня и Ли Ю: возможно, они обсуждали развод». Именно об этом только что говорили медсёстры. В статье сообщалось, что Ли Ю встретила с Цао Сююанем около четырёх часов дня во внедорожнике. Ли Ю выглядела плохо, была очень уставшей, несколько раз качала головой и вздыхала во время разговора, словно была крайне разочарована в Цао Сююане.

Цао Е смотрел на сделанные папарацци фотографии. Несмотря на тонированные стёкла, он узнал Ли Ю на пассажирском сиденье. На одной фотографии она, запрокинув голову, закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья. На другой — опустила голову, приложив руку ко лбу. Фотографии были размытыми, почти невозможно было разглядеть выражение её лица, но всё равно чувствовалось, как она устала и измотана, словно за несколько дней постарела на десяток лет.

Цао Е никогда не видел Ли Ю такой. В его памяти она всегда была оптимистичной, жизнерадостной, много смеялась, была полна энергии, и на ней совсем не было заметно следов времени. Даже во время лечения в больнице она никогда не унывала. И эта элегантная, всегда державшаяся с достоинством женщина из-за Цао Сююаня в последние дни своей жизни предстала перед всеми в самом унижительном свете, став в их глазах несчастной и достойной жалости. «Чёрт возьми, делай что хочешь, спи с Чжэн Инем или с Чжан Минханем, мне всё равно, но зачем втягивать в это мою маму?!» Цао Е с силой швырнул телефон на пол. Удар был такой силы, что телефон разбился вдребезги. Прохожие испуганно обернулись на разъярённого юношу. Цао Е стоя на месте, несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Затем он наклонился, поднял разбитый телефон и вышел из больницы.

Осколки стекла впились ему в ладонь, кровь стекала по корпусу телефона. Цао Е бесцельно брёл по улице. Ему казалось, что все смотрят на него. «На что они смотрят? Может, про меня тоже написали в новостях? Эти папарацци могут снять всё что угодно. Сначала они сфотографировали Ли Ю, теперь будут фотографировать меня. Они хотят всех, кто связан с Цао Сююанем, утащить за собой на дно?!» Он представил, что все вокруг знают, что Цао Сююань — извращенец, который домогается маленьких мальчиков.

«О чём они думают? Жалеют меня? Смеются надо мной? Или просто равнодушно наблюдают?»

Неудивительно, что Цао Сююань так любит продвигать новичков. Чжэн Инь постоянно говорил, что он привносит свежую кровь в мир кино. Когда-то Цао Е так гордился этим, а теперь эти факты лишь высмеивали его наивность. «Не смотрите на меня, — думал Цао Е, проходя мимо людей с бесстрастным лицом. — Не надо меня жалеть».

К нему подошли две девушки. Цао Е напрягся. «Зачем они идут сюда? Спросить, правда ли то, что пишут про Цао Сююаня? Или спросить, сын ли я ему?»

— У тебя рука кровоточит, — сказала одна из девушек. Красивый юноша выглядел таким напряжённым и несчастным, он даже невольно отступил назад, словно не желая, чтобы к нему приближались. Цао Е машинально посмотрел на свою руку. Она действительно кровоточила. Он поднял её — осколки стекла впились в кожу. Увидев рану, он почувствовал облегчение. «Они не узнали во мне сына Цао Сююаня, просто хотели сказать, что у меня идёт кровь... А я уже себя накрутил».

— Может, тебе стоит обратиться в больницу? — девушка участливо махнула рукой в направлении госпиталя. — Вон там есть одна...

— Я схожу туда, спасибо, — Цао Е всё ещё не поднимал головы. Сейчас он не мог смотреть людям в глаза.

Когда девушки ушли, Цао Е сунул телефон в карман и достал бумажную салфетку, прижав её к ране. Теперь кровь не будет видна прохожим. И действительно, после этого на него стали меньше обращать внимания. Смеркалось, последние лучи солнца скрылись за горизонтом, и на улицах зажглись фонари. Цао Е свернул в переулок. Он не любил освещённые места — там все

могли видеть его смятение и уязвимость. Он долго плутал по извилистым улочкам, пока его гнев не сменился оцепенением и не наступило относительное спокойствие. Он остановился, прислонился к стене и уставился в пустоту.

«В новостях писали, что Цао Сююань и Ли Ю тайно встречались. Почему они встречались? Вряд ли Цао Сююань был инициатором встречи. Значит, это Ли Ю связалась с ним? Ли Ю говорила, что вернулась в страну, чтобы повидаться с друзьями. Неужели она имела в виду Цао Сююаня? Они же расстались, какой был смысл им видеться?»

Вспомнив о Ли Ю, Цао Е решил, что ему нужно вернуться в больницу. Если он так надолго пропадёт, она будет волноваться. «Но в таком состоянии я не могу показаться ей на глаза... Лучше я сегодня не пойду туда, переночую в отеле, приведу себя в порядок, а завтра утром поеду к ней». Цао Е хотел позвонить Ли Ю и предупредить её, но тут же вспомнил, что вдребезги разбил телефон и он был совершенно бесполезен.

— Ладно, — Цао Е выпрямился. — Всё-таки лучше поехать в больницу.

Когда он вернулся в больницу, было уже за десять вечера. Выйдя из лифта, он зашёл в туалет, пригладил волосы перед зеркалом и попытался взять себя в руки. Выглядел он неважно. «Если Ли Ю спросит, скажу, что простудился...» — подумал Цао Е и вышел из туалета, направляясь к палате матери. Дверь в палату была приоткрыта. Цао Е подошёл ближе и уже собирался войти, когда услышал тихий голос Ли Ю — она говорила так, словно не хотела, чтобы её услышали.

— Честно говоря, иногда я жалею, что тогда, по глупости, родила сяо Е...

Цао Е услышал вздох. Ли Ю замолчала. Он отпустил дверную ручку и замер, глядя на спину матери в дверном проёме.

— Когда медсестра принесла его мне, я подумала, что теперь должна отвечать за свою импульсивность...

Цао Е не хотел больше слушать. Он опустил глаза, тихо развернулся и быстро пошёл к лифту. Если голосовое сообщение Цао Сююаня было острым лезвием, которое внезапно пронзило его, то слова Ли Ю были подобны удару изнуряющей ладони. В первый момент он ничего не почувствовал, но через несколько минут тупая боль разлилась по всему телу, проникая в каждую клеточку, не давая ему притвориться спокойным. Он словно потерял свою душу.

Его мать, Ли Ю, сказала, что жалеет о его рождении, что он был всего лишь ошибкой, импульсивным решением, и всё, что она делала — это лишь искупала свою вину. Получается, его рождение было нежеланным, никто не хотел, чтобы он появился на свет. Неудивительно, что Цао Сююань был так холоден с ним. Он просто не хотел сына. Он был ошибкой, импульсом, обузой, лишним грузом. Это было невыносимо. «Чего вы от меня хотите? Чтобы я умер?»

Цао Е вышел из больницы. На выходе был светофор, но он не обратил на него внимания и

пошёл прямо через дорогу. Машина, проезжавшая на зелёный свет, резко затормозила. С визгом шин водитель высунулся из окна и закричал:

— Ты что, с ума сошёл?!

«Да, я искал смерти. Почему же ты меня не сбил?...» — равнодушно подумал Цао Е.

Он снял номер в ближайшей гостинице. Лежа на кровати с закрытыми глазами, он думал, что всё это, наверное, просто кошмарный сон. Что, проснувшись, он окажется в своих пятнадцати, на крыше дома «Лазурной вечеринки». Под ним будет расстелена газета, на которой было немного жёстко лежать, спина после нее будет болеть, но настроение будет отличное.

И ему действительно показалось, что он видит облака на небе. Он говорит Лян Сычжэ:

«Мой отец — самый крутой режиссёр на свете! Он помог многим начинающим актёрам стать знаменитыми. Ты знаешь Чжан Минханя? Самый молодой обладатель награды «Лучший дебют». Дядя Инь тоже очень крутой. Он как Доразмон, может выполнить любую просьбу моего отца. А моя мама... она очень красивая, известная скрипачка. Ты знаешь её? Она такая талантливая, правда?»

И вдруг, как в кино, кадр меняется. Он снова видит тот день, когда Чжэн Инь вёз их с Лян Сычжэ на прослушивание. Чжэн Инь помог ему выбрать подходящую одежду и пригладил ему волосы. Чжан Минхань подошёл к нему и сказал в шутку:

— Ого, сколько ты идиом знаешь!

Члены съёмочной группы, которые давно работали с Цао Сююанем, специально пришли посмотреть на него и сказали:

— Какой милый мальчик, единственный сын режиссёра Цао и Ли-лаоши!

А сам он, глядя на Цао Сююаня, сидящего за монитором, хоть и дулся из-за недостатка внимания, всё же с гордостью думал: «Этот мужчина за монитором — мой отец. Он как король, который правит этим миром кино». Потом он подошёл к камере, чтобы посмотреть на своё отражение в объективе, но как только он приблизился, объектив взорвался, и осколки стекла полетели ему в лицо. Он отшатнулся. И проснулся.

Цао Е расфокусированным взглядом смотрел на яркий свет на потолке. «Получается, до пятнадцати лет я был счастлив лишь потому, что все вокруг меня лгали, создавая иллюзию прекрасного замка». А теперь, когда правда открылась, этот замок, как и объектив камеры во сне, разлетелся на осколки, превратившись в руины воспоминаний. Он сел, немного посидел, потом глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, и позвонил Ли Ю с гостиничного телефона. Но тут же повесил трубку. Он боялся говорить с ней, боялся услышать в её голосе то же

равнодушие, что и у Цао Сююаня. Тогда он позвонил парню Ли Ю и сказал, что останется ночевать у друга, попросив передать матери, чтобы она не волновалась.

— Она только что звонила тебе, — спросил мужчина. — Почему ты не отвечал?

— У меня сломался телефон. Не хотел беспокоить её, поэтому позвонил вам. Передайте ей, пожалуйста, чтобы не волновалась. Друзья зовут меня, мне пора. До свидания.

Цао Е, проговорив это, быстро повесил трубку. Он боялся, что мужчина почувствует что-то неладное и передаст трубку Ли Ю. «Хочу спрятаться, не хочу ни с кем разговаривать. Я уже не могу отличить реальность от иллюзии. Что на самом деле думают обо мне те, кто, казалось бы, хорошо ко мне относится? Действительно ли они желают мне добра?»

Он ворочался с боку на бок, не в силах уснуть. Цао Е промучился бессонницей всю ночь. Кондиционер работал на полную мощность, но он всё равно вспотел. И всё же ему было холодно. Его бросало то в жар, то в холод. Липкая от пота кожа вызывала отвращение.

«Но даже так, пусть эта бесконечная ночь тянется как можно дольше. Когда наступит утро, начнётся новый день, и, возможно, Чжан Минхань опубликует новые доказательства. Всё больше людей узнают правду, узнают, что Цао Сююань — чудовище».

Он хотел, чтобы правда вышла наружу, чтобы Цао Сююань был проклят и навеки исчез из поля зрения общественности. Но в то же время он боялся этой правды. Ведь тогда он навсегда останется в тени Цао Сююаня. Все, кто знал его, будут в курсе, что его отец — лицемерное чудовище. Неужели ему всю жизнь придётся жить с этим позором?

На следующий день, во время послеобеденного чаепития, Чжан Минхань заявил журналистам, что они с режиссёром Цао Сююанем пришли к мирному соглашению, и он больше не будет предоставлять доказательства прессе. В конце интервью Чжан Минхань добавил:

— Я надеюсь, что другие актёры, столкнувшиеся с подобной ситуацией, найдут в себе смелость выступить и рассказать свою историю, чтобы подобное больше не повторилось с другими новичками.

— Вы имеете в виду Лян Сычжэ? — прямо спросил журналист.

— Я никого не имею в виду, — ответил Чжан Минхань.

В этот момент Цао Е ехал в больницу на такси. По радио передавали это интервью. Когда прозвучало имя «Лян Сычжэ», гул в голове, который мучил его вчера, вернулся с новой силой, став ещё острее и пронзительнее, вызывая нестерпимую головную боль. Он был вынужден опустить голову и прижать ладони к вискам.

— Пожалуйста... выключите радио, — попросил Цао Е водителя. Он попытался открыть окно, но врывающийся в салон горячий воздух только ухудшил его самочувствие. Он попросил водителя остановиться и вышел из машины. Пройдя немного пешком, он почувствовал, что шум в голове стихает. Затем он нашёл это немного смешным. Домыслы Чжан Минханя были совершенно беспочвенны. Раз его самого домогались, он решил, что с Лян Сычжэ произошло то же самое.

После прослушивания на роль в фильме «Тринадцать дней», когда он переодевался с Лян Сычжэ в комнату для персонала, охранник решил, что они занимаются непотребством. Тогда Лян Сычжэ чуть не набросился на него с кулаками. Если бы Цао Сююань действительно домогался его, разве он стал бы молчать? Как бы там ни было, он ни за что не поверит, что между Лян Сычжэ и Цао Сююанем были какие-то отношения, кроме рабочих.

Это интервью, которое должно было означать конец истории, на самом деле вызвало новую волну обсуждений.

«Если сторона Цао Сююаня согласилась на мирное урегулирование, значит, все доказательства — правда».

«Его уже не отмыть, он сам признал свою вину».

«Чжан Минхань, не соглашайся на мировую! Подай в суд, пусть Цао Сююань сядет в тюрьму!»

«Если Чжан Минхань согласился на мировую, значит, ему нужны только деньги. Так что непонятно, были ли это отношения или домогательства».

«Разумные фанаты Цао Сююаня всё ещё пытаются представить это как романтические отношения. Но если это был просто роман, зачем тогда мириться?»

«Я думаю, Чжан Минхань тоже не так прост. Похоже, он специально сохранил доказательства с тех пор, как у них были отношения, чтобы потом использовать их против Цао Сююаня».

«Хватит обелять Цао Сююаня! Подумал ли он о том, каково было бы его сыну, если бы его домогался какой-нибудь сорокалетний мужик?»

Цао Е не читал комментарии в интернете. Он выкурил сигарету у входа в больницу и немного прошёлся, чтобы избавиться от запаха дыма, после чего поднялся наверх на лифте. Ли Ю сидела на кровати, читая книгу. Увидев Цао Е, она отложила книгу и улыбнулась:

— Вернулся от друзей?

— Угу, — ответил Цао Е, садясь на стул рядом с кроватью.

— Хорошо провёл время?

— Нормально. Ничего особенного.

— Разве Линь Янь не любит повеселиться? — Ли Ю погладила Цао Е по волосам. — В этот раз он не поил тебя алкоголем?

— Нет.

— А чем сейчас занимается Линь Янь? Он ведь уже закончил университет?

— Работает в кинокомпании своего брата.

— Вот как, — кивнула Ли Ю и спросила: — Сяо Е, ты уже два года изучаешь кино. Может, ты, как и твой отец, станешь режиссёром и будешь снимать фильмы?

— Я не хочу быть режиссёром.

— Хм? — Ли Ю выглядела удивлённой. — А я думала, что у меня будет возможность посмотреть твои фильмы. Ты же говорил, что снимал короткометражки с однокурсниками. Когда ты покажешь их мне?

— Да это так... просто баловство, — ответил Цао Е. — Нечего показывать. — Это была правда. Те фильмы были экспериментальными короткометражками, снятыми как попало, и действительно не годились для просмотра.

— Ну ладно, — улыбнулась Ли Ю. — Ничего страшного, когда-нибудь у тебя появятся фильмы, которые будет не стыдно показать.

Цао Е промолчал. Ли Ю тоже замолчала. На какое-то время повисла тишина. Она посмотрела на Цао Е и осторожно спросила:

— Ты видел последние новости о твоём отце?

— Вроде того, — ответил Цао Е. На самом деле он не хотел обсуждать с Ли Ю Цао Сююаня.

— Твой отец... — Ли Ю вздохнула. — Хотя он иногда поступает опрометчиво, но домогательства...

Она не договорила. Цао Е встал, посмотрел на Ли Ю и позвал:

— Мама.

Ли Ю подняла на него глаза и, видя, что он не хочет слушать, замолчала.

— Тебе нужно поправиться, — сказал Цао Е. — Давай не будем читать эти новости. Он никогда особо не участвовал в моей жизни. Для меня он просто чужой человек. Домогался он кого-то или нет, мне, честно говоря, всё равно.

Ли Ю опешила. Цао Е налил ей воды и вышел из палаты под каким-то предлогом.

Он солгал. Ему, конечно же, было не всё равно, домогался ли Цао Сююань кого-то. Никто так сильно, как он, не хотел, чтобы это оказалось ложью. Но он не мог просто показать Ли Ю запись и фотографии, чтобы она сама разбиралась, просто ли Цао Сююань переспал с Чжан Минханем, или же действительно домогался его. В детстве Ли Ю создала для него иллюзорную башню из слоновой кости, а теперь он сам строил для неё иллюзии с помощью лжи.

Выйдя из палаты, Цао Е стоял в конце коридора, задумчиво глядя в ночную темноту.

Внезапно он услышал имя «Цао Сююань» и почувствовал раздражение. Почему все только об этом и говорят? Он уже собирался уйти, когда услышал имя Лян Сычжэ.

— Неужели между Лян Сычжэ и Цао Сююанем что-то есть? Нет... Лян Сычжэ же мой кумир!

— Кто знает? Он же встречался с Ху Юйсы и Линь Хуань. Вроде бы у него нормальная ориентация.

— Это ради карьеры, наверное. Иначе почему Цао Сююань никогда не снимал одного и того же новичка дважды, а для него сделал исключение? Говорят, что он нарушил правила, чтобы Лян Сычжэ получил ещё одну награду за лучшую мужскую роль. Вдумайтесь, разве стал бы он так стараться, если бы это не была настоящая любовь?

— Ещё Цао Сююань говорил, что хочет снять фильм на тему однополый любви и что главную роль должен играть Лян Сычжэ. Ин-цзы, если твой кумир согласится на эту роль, это будет равносильно каминг-ауту.

— Нет, нет, нет! Я верю, что он не согласится.

Волна раздражения подступила к его горлу. Это же история между Цао Сююанем и Чжан Минханем, какое отношение к этому имеет Лян Сычжэ? Цао Е развернулся и ушёл, не желая больше слушать эти сплетни. Рядом с постом медсестры лежали бесплатные газеты. Кто-то, видимо, читал их, и газета была открыта на странице с новостями из мира развлечений:

«Сун Юй отказался от роли в фильме Цао Сююаня о гомосексуальной любви. Возможно, главную роль сыграет Лян Сычжэ».

Цао Е посмотрел на заголовок, а затем, не удержавшись, пробежался глазами по статье. В ней говорилось, что популярный молодой актёр Сун Юй на сегодняшнем мероприятии рассказал, что недавно студия Цао Сююаня предложила ему роль в фильме о гомосексуальной любви, но он отказался, так как посчитал, что его характер не подходит для этой роли.

Цао Сююань также впервые дал интервью. Он не стал комментировать обвинения в домогательствах и не упомянул о мирном соглашении, но резко опроверг слова Сун Юя:

«Кто такой Сун Юй? Я никогда не предлагал ему роль в своём фильме, он недостаточно хорош. Я узнаю у отдела кастинга, правда ли кто-то связывался с ним. Если это так, то пусть готовятся к увольнению. Я что, буду снимать такого актёра, когда у меня есть Лян Сычжэ? Это просто смешно».

— Так вы действительно планируете снять фильм о гомосексуальной любви?

— Да.

— Это ваш ответ на недавние новости?

— Мне нечего ответить.

— Вы планируете предложить главную роль Лян Сычжэ?

— Без него этот фильм не состоится.

Цао Е положил газету обратно на стол. Он не понимал, почему Цао Сююань решил снять фильм на такую тему именно сейчас. И ещё предложил главную роль Лян Сычжэ.

Скольких ещё людей он хочет опозорить? Согласится ли Лян Сычжэ на эту роль? Как сказала та медсестра, согласие на роль гомосексуалиста будет равносильно признанию, что между ним и Цао Сююанем что-то есть.

«Без него этот фильм не состоится». Цао Е смотрел на эту фразу в газете. Это были слова самого Цао Сююаня. Тогда пусть не состоится. Цао Е поднял голову. Если Лян Сычжэ откажется от этой роли, Цао Сююань не сможет снять свой фильм, а Лян Сычжэ сможет дистанцироваться от него. Тогда никто не будет подозревать его. «Да, нужно убедить Лян Сычжэ не сниматься в этом фильме». Пусть Цао Сююань будет проклят, пусть общественное мнение раздавит его, пусть он исчезнет на пять лет, а потом и вовсе пропадет из поля зрения общественности.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130300>